

РЕЦЕНЗИИ

Романенко Л.М.

Специфика и перспективы современной российской экологической политики

Яницкий О.Н. «Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)» Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 426 с.

Совершенно справедливо, что известная высота нравственного уровня необходима для социолога, как зрение необходимо для микроскописта, как слух составляет неизбежное условие для музыканта, а развитое эстетическое чувство – для каждого художника, поэта, литературного критика.

С.Н.Южаков

Современный этап реформирования российского общества является основополагающим для всей отечественной социальной системы, поскольку именно сегодня обозначается генеральный вектор ее судьбы, формируются базовые приоритеты ее дальнейшего функционирования. Слабая структурированность, «размытость» нынешних пространств России (властного, экономического, идеологического, культурного) усиливает роль социологии в определении социальной стратегии и тактики дальнейшего развития нашей страны, в более эффективном и менее болезненном переходе к демократии.

Вместе с тем в массовом общественном сознании российская социология прочно заняла место, которое при социализме монополюно удерживала философия марксизма-ленинизма: место квазинаучной доктрины, обслуживающей властный или олигархический заказ, способной обосновать «все и вся». Однако, несмотря на такую «теневую социологическую проекцию», представители серьезной академической и университетской социологии пытаются по мере возможности оказывать влияние как на развитие национального самосознания, так и на действия властных структур и большого бизнеса.

Пожалуй, наиболее ярко нравственная составляющая социологической науки выражена в направлении, занимающемся экологической проблематикой. Примером тому служит вышедшая в 2002 г. в серии «Российское общество: современные исследования» монография «Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)», принадлежащая перу известного социолога О.Н.Яницкого. В книге концептуально обобщена многолетняя работа автора по осмыслению содержания и эволюции основных акторов, специфики организационной институализации, идеологием

* Романенко Лариса Михайловна, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

© Романенко Лариса Михайловна, 2002 г.

© Центр Фундаментальной Социологии, 2002 г.

и мифологем, присущих процессу конституирования отечественного экологического движения с 1994 по 2000 гг. Масштабность поставленной задачи обусловила и комплексный, системный подход исследователя к объекту изучения, анализ большого массива эмпирических данных, вариативность используемых методов, включая и незаслуженно забытый метод построения хроник.

Сразу же отметим, что рецензируемая работа далека от «сухого», оторванного от реалий нашей повседневной жизни, теоретического изложения. В рамках предложенной теоретической модели автор рассматривает конкретные экологические проблемы, тщательно анализирует «болевые» вопросы состояния современного экологического движения в России, зоны «экологической напряженности» в отечественном политическом пространстве, дает довольно жесткие, часто не совпадающие с общепризнанными оценки деятельности различных экологических акторов. Поэтому монография вызовет, на наш взгляд, весьма неоднозначные мнения у читателей, особенно у тех, кто так или иначе связан с экологической теорией и практикой. Подобная дискуссионность – несомненное достоинство работы.

Итак, в центре внимания ученого – комплексный анализ политического измерения экологической подсистемы современного российского общества. Такая «теоретическая политизация» не случайна. С одной стороны, исследования О.Н.Яницкого находятся в русле мировых экологических изысканий. Еще в начале 90-х годов в западной социологии был зафиксирован генеральный вектор развития мирового экологического процесса, связанный с тем, что современная цивилизация превратилась в «общество риска», в котором «политическим» становится даже то, что ранее таким не считалось [1, р. 24]. А с другой, он успешно продолжает традиции отечественной социологической науки, придающей большое значение политической составляющей, «удельный вес» которой в различных сегментах российского социального пространства исторически всегда был весьма значителен. Достаточно вспомнить, что первые шаги экологического движения, получившие широкий резонанс в стране и ознаменовавшие собой появление на политической арене тогдашнего СССР нового политического актора, были осуществлены именно в политической плоскости. Это была борьба общественности против экологически опасных проектов тогдашней власти, вызвавшая, по меткому замечанию О.Н.Яницкого, «политическую мобилизацию гражданских инициатив» (с.31) и впервые создавшая в тоталитарной России возможности для широкого экологического дискурса.

Российская социальная экология – наука еще молодая, поэтому неслучаен интерес исследователей к созданию теоретического инструментария для адекватной интерпретации экологических субъектов, процессов и явлений. Общепризнанных теоретических и методологических стандартов в этой области пока не выработано. Споры идут по всем направлениям: даже по вопросу о содержательном наполнении такого ключевого термина, как «экологическая политика».

Показательными в этом плане являются приведенные в книге данные опроса представителей властных структур, научного сообщества и экоНПО. Одни респонденты отождествляют экологическую политику с нормальной «*процедурой принятия и исполнения решений*», другие выделяют ее в «*самостоятельную управленческую вертикаль*», для третьих она «*способ разрешения конфликтов* разного уровня». Последняя интерпретация оказалась гетерогенной: в ней проявились целых четыре варианта конфликтологического понимания экополитики: «*рецидивирующий*» – создание во властных органах специальных экологических структур для согласования интересов различных департаментов (сам термин, предложенный автором, представляется спорным); «*ситуационный*», заключающийся в реагировании на возникающие экологические вызовы и угрозы; «*политический*», понимающий

экополитику как борьбу различных политических сил, и *экологический*, для которого экополитика состоит в реализации собственно экологических критериев (с. 130–133).

Ситуация «понятийной неопределенности», будучи естественной для становления любой науки, продуцирует ученых, работающих в парадигме социальной экологии, на поиск и формулирование собственных дефиниций экополитики. Создается спектр категорий, из которых затем будут выбраны общепризнанные. Плодотворной является, на наш взгляд, дефиниция экологической политики, предложенная О.Н.Яницким, которую он определяет как «научно-обоснованную политику, направленную на сохранение и воспроизводство здоровой и безопасной среды обитания, на разрешение социально-экологических конфликтов путем постепенной экологической модернизации всех сфер жизнедеятельности общества, начиная от трансформации базовой системы его ценностей, соблюдения гражданских прав и свобод и до перестройки промышленного производства на основе расширяющегося использования природосберегающих технологий» (с. 30).

Анализируя эволюцию российского экологического движения, автор приходит к выводу, что, сохраняя свою гражданскую сущность (субъекты и структуры движения продолжают оставаться субъектами и структурами национального гражданского общества), оно, тем не менее, существенно изменило формы своей социальной и политической актуализации. По мнению Яницкого, российское экологическое движение необходимо сегодня рассматривать как «специфический (сетевой) социальный организм, способный устойчиво воспроизводить себя во времени и пространстве» (с. 97). При этом «сетевой социальный субъект – это пространственно дисперсный коллективный актор, элементы которого интегрируются и воспроизводятся посредством общих ценностей и целей, коммуникационных и других ресурсных сетей» (там же).

В отказе от рассмотрения экополитики как «вертикальной» деятельности экологов, направленной на выработку и принятие властью необходимых управленческих решений, в пользу «горизонтальной», т.е. сетевой ее трактовки, и заключается, пожалуй, основной теоретический пафос рецензируемой монографии. Тем самым в экологическом плане удается предвосхитить тенденции, которые появились в политическом поле России совсем недавно и заметно повлияли на его конфигурацию: усиление «властной вертикали» привело к интенсификации поисков учеными, политиками, общественными деятелями путей создания уравновешивающей эту вертикаль «гражданской горизонтали».

При таком подходе экологическое движение рассматривается как «погруженный» в специфический контекст субъект, причем основной акцент делается именно на взаимодействии субъекта со средой, понимаемой как активное, деятельностное начало, состоящее из «многообразия контекстов – локальных и глобальных, дружеских и враждебных, ресурсообеспечивающих и ресурсопоглощающих» (с. 97). «Сетевая экологическая эволюция» в значительной мере обусловлена разочарованием зеленых как в деятельности крупных политических партий и объединений, так и в политике российского государства, которая в последние годы отличается выраженной антиэкологической направленностью. Достаточно сказать, что в 2000 г. упразднен Государственный комитет РФ по охране окружающей среды (его функции переданы Министерству природных ресурсов), а в отечественных вузах по решению Министерства образования РФ отменены программы по подготовке учителей по специальности «Экология».

Кстати, схожие тенденции в мотивационно-ценностной структуре экологического движения фиксируются сегодня социологическими исследованиями и на Украине. Согласно данным наших украинских коллег, «за

период 1995–2000 гг. фактически не изменилось общее количество украинских эконоНПО, имеющих средний уровень социально-политической активности (немногим более половины), однако уменьшилась доля политически вовлеченных и, наоборот, возросло количество политически индифферентных организаций «зеленых» [2, с. 47].

Российскому экологическому движению как коллективному социальному актору присущи, полагает О.Н.Яницкий, историческая эволюция; собственная «внутренняя логика» развития – логика самосохранения и саморазвития» (с. 99); использование в различных пропорциях как внешних, так и внутренних ресурсов («удельный вес» которых колеблется в зависимости от временного контекста); полифункциональность – например, ячейки этого сектора наряду с собственно экологическими функциями выполняют и «функцию адаптации своих членов к быстро изменяющемуся социальному и политическому контексту» (с. 126).

Если рассматривать российское экологическое движение как специфический сектор национального гражданского общества, то в методологическом плане это предполагает изучение его в двух взаимосвязанных измерениях: «горизонтальном» (взаимодействие его акторов со структурами и субъектами мирового гражданского общества – в данном случае с зарубежными экологическими организациями) и «вертикальном» (взаимодействие с национальными властными структурами).

Первое измерение анализируется автором с позиций «вестернизации», понимаемой как многомерный социальный феномен, включающий в себя не только идеологию и систему западных ценностей, но и комплекс конкретных мер по перестройке отечественных эконоНПО и их деятельности «по западным стандартам» (с. 300, 311). Оценивая «плюсы» и «минусы» вестернизации российского экологического пространства, О.Н.Яницкий приходит к крайне неутешительным выводам.

Позитивный вклад международного сообщества в развитие отечественного экологического сообщества («подпитка» деньгами, оборудованием, социальными и менеджерскими технологиями) несравним, как считает автор, с огромными отрицательными социальными последствиями этой помощи. Потеря независимости российских зеленых, утрата ими «перспективы, а может быть и смысла жизни» (с. 303); «распад некогда единого экологического движения на множество относительно автономных образований – эконоНПО, внутри которых существуют еще более дробные ячейки – проекты» (с. 314); замена экологической стратегии на узкие, «частичные» тактические цели собственного комфортного выживания; жесткость, «антидиалогичность» мышления активистов; замена альтруистических и гражданских ценностей экологического движения на рыночный прагматизм и корпоративизм и др. – такова, по мнению ученого, несоизмеримо высокая социальная цена, которую платит Россия за западную помощь.

Столь «разгромная критика» имеет право на существование, тем более что сам О.Н.Яницкий долго и плодотворно сотрудничал с зарубежными коллегами по экологической проблематике (о чем свидетельствует значительная часть представленного в рецензируемой монографии материала) и знает ситуацию «изнутри».

Безусловно, необходим более взвешенный, более продуманный подход к вопросам об объемах и качестве зарубежной помощи; о приемлемости условий, на которых она оказывается; о содержательной стороне информации, сбор и анализ которой заказывается международными экологическими организациями и т.п. С этим не поспоришь. Однако более или менее корректно воспринимать столь негативную оценку западного влияния на российских экологов можно, как нам представляется, лишь с учетом тенденций функционирования национального общественного сознания.

Такая оценка должна трактоваться как своего рода «противовес» преобладавшему до недавнего времени некритическому заимствованию всего западного.

В политическом же контексте такая негативная генерализация спорна и неоднозначна хотя бы потому, что, будучи истолкована в терминах теории принятия решений, она фактически «закрывает» с таким трудом завоеванную возможность «горизонтального», «сетевое» сотрудничества российских экологов с международным сообществом в рамках гражданских инициатив. Тем самым не только осложняется процесс конституирования национального гражданского общества, но и ставится под вопрос само существование экологического движения в России. Его выживание в нынешних условиях вряд ли можно представить без ресурсного обеспечения зарубежных доноров и спонсоров, для которых вклад в развитие экологической подсистемы России – не столько идеология, сколько реальное «экологическое страхование» своего собственного будущего.

Исследование второго – «вертикального» – измерения, в котором разворачиваются процессы взаимодействия экологов с властными структурами как в теоретической плоскости, так и при анализе конкретных путей разрешения типичных социально-экологических конфликтов, приводит О.Н.Яницкого к выводу, что современная политическая практика в экологической сфере теряет свой «вертикальный» (иерархический, директивный) характер и становится все более «горизонтальной», трансформируясь соответственно изменениям экологического движения, заключающимся в превращении его в «в совокупность коллективных сетевых акторов» (с. 128).

По этому поводу хотелось бы высказать следующие соображения. Если мы внимательно проанализируем конфигурацию современного политического пространства России, то единственными реальными макроигроками на этом пространстве окажутся власть и бизнес. Экологическое же движение, хотя и имеет неплохие количественные показатели, не может пока оцениваться как макросубъект, поскольку его влияние на социальное пространство в целом тождественно весьма невысокому влиянию других структур гражданского общества.

Небольшой «социальный вес» не позволяет российским экологам вести переговоры с отечественными властью или бизнесом «на равных». Более того, если в демократических обществах экологи и власти совместными усилиями корректируют действия бизнес-структур, то в нашей стране сообща действуют зачастую бизнес и власть. В таких условиях шансы на то, что экологи будут услышаны, а их рекомендации будут воплощены в жизнь, весьма малы.

Поэтому для принятия того или иного конкретного экологически обоснованного решения, экологам необходимо увеличить свой социальный вес: либо «перетянуть» на свою сторону власть, либо ввести в поле конфликта еще одного участника, который как и два первых игрока, обладал бы макросоциальными показателями, но «играл бы» на стороне экологов. Таким «социальным» игроком является мировое сообщество, с мнением которого, выражаемого международными экологическими организациями, власть и бизнес в России вынуждены считаться.

В сложившейся ситуации реальные результаты достижимы лишь с использованием административного ресурса. Поэтому, по нашему мнению, современная российская экологическая политика должна представлять собой сбалансированные в единый процесс «горизонтальную» деятельность экологических сетей и «вертикальную» административную деятельность. Сужение же «объема участия» последней в экологическом движении не усилит его демократизацию, а, скорее, ослабит социальные позиции.

В заключение отметим, что рамки рецензии не позволили нам рассмотреть другие интересные идеи и наработки автора. Это, например, теоретическая трактовка современной России как «общества всеобщего риска»; анализ особенностей выработки и потребления отечественного экологического знания; исследования положительных и отрицательных факторов, формирующих институт российских экспертов-экологов; гипотеза о трансформируемости (конвертируемости) ресурсов экологических акторов и др. Хочется надеяться, что монография О.Н.Яницкого будет иметь серьезный научный резонанс и привлечет внимание широкой общественности к острым экологическим проблемам России.

Литература

1. *Beck, U.* Risk Society: Toward a New Modernity. London: SAGE, 1992.
2. *Стегний А.* Экологическое движение как фактор институционализации экологических интересов // Россия: Центр и регионы. Вып.8., Ч. II. М., 2002.